

18+ ДРЕМЛЮЖЕНКО СЕРГЕЙ

АВТОР, КОТОРЫЙ ДОМАЕТ УСТАНОВКИ

НЕ ВЫСОВЫВАЙСЯ

ДЕНЬГИ ПОРЯТ
ЧЕЛОВЕКА

УСПЕХ — ЭТО
НЕ ДЛЯ ТЕБЯ

НЕ РИСКУЙ

—
ЭТО НЕ
ТВОЙ ВЫБОР,
НО ЭТО ТВОЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
—

МНОГО ХОЧЕШЬ —
МАЛО ПОЛУЧИШЬ

НИЧЕГО НЕ
ПОЛУЧИТСЯ

ЧТОБЫ ЧТО-ТО
ЗАРАБОТАТЬ,
НУЖНО
ТЯЖЕЛО ПАКАТЬ

БОГАТЫЕ
ВСЕ ВОРЫ

КТО ТЫ ТАКОЙ,
ЧТОБЫ
ВЫБИРАТЬ

ТЕБЕ
НЕ ДАЮ

БЕЗ СВЯЗЕЙ
НИКУДА

ТЫ ЧТО,
САМЫЙ УМНЫЙ?

НЕ ЗАРЫВАЙСЯ

НЕ МЕЧТАЙ,
А РАБОТАЙ

РАБОТЯ —
НЕ ВРЕДНО, НО
НЕ ПОЛОЖЕНО

БУДЬ
КАК ВСЕ

ПЕРЕПИШЬ
СВОЙ
СЦЕНАРИЙ

РОМАН
О СВОБОДЕ
ОТ ЧУЖИХ
УСТАНОВОК

ХОРОШИЕ ЛЮДИ БОГАТЫМИ НЕ СТАНОВЯТСЯ

ПОЧЕМУ ТЫ ЖИВЕШЬ НЕ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ

ТАК УСТРОЕН
МИР

БУДЬ
РЕАЛИСТОМ

ПЛЫВИ ПО ТЕЧЕНИЮ

ДЕНЬГИ НЕ
ДЛЯ ТЕБЯ

Сергей Дремлюженко

Хорошие люди

богатыми не становятся

<https://litres.ru/74156462>

ISBN 9785007029650

Аннотация

Что мешает умному и порядочному человеку зарабатывать по-настоящему? Почему мы откладываем жизнь на «потом», боимся чужого мнения и саботируем собственный успех?

Герой этого романа проживёт год, который перевернёт его картину мира. Он снимет с себя «скатерть в шкафу», откажется от авось и впервые поймёт: свобода — это не отсутствие страха, а действие вопреки ему. История, после которой вы по-другому посмотрите на свои привычки, деньги и право быть счастливым.

Содержание

Цена вопроса	7
Хорошая скатерть	15
Высочка	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Хорошие люди
богатыми не становятся**

**Сергей Сергеевич
Дремлюженко**

© Сергей Сергеевич Дремлюженко, 2026

ISBN 978-5-0070-2965-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРАКТИКА

Выви эту страницу.
Сложи по длине несколько раз
и используй ее как закладку.

Что ты чувствуешь?
Ты не хочешь портить вещь,
тебе жалко?

Цена вопроса

Было половина первого ночи, когда Алексей Карпов сидел на кухне с кружкой остывшего чая и понял, что снова это сделал.

Поступил так, как велел ему здравый смысл и совесть. Он ничего не украл. Никого не обманул и не обидел.

Он просто назвал цену.

Четыреста тысяч. За три месяца работы, за команду из восьми человек, за CRM-систему для сети из двенадцати ресторанов Захарова — с интеграцией в кассы, программой лояльности и аналитикой по каждой точке. Задачу, которую их конкурент сделает в два раза хуже и возьмёт в два раза дороже. Алексей это знал. Дима знал. Даже Захаров, наверное, знал. И всё равно — четыреста.

Клиент сказал «подумаем» и ушёл думать к конкурентам. Алексей это тоже знал заранее. Он всегда знал. И всё равно называл меньше.

— Лёш, ты спишь? — Наташа появилась в дверях, щурясь от света. Волосы набок, старая футболка с логотипом компании Алексея, который давно облез.

— Иди спи. Всё нормально.

Она посмотрела на него секунду — так, как смотрят на человека, которому не верят, но спорить не хотят, — и ушла. Через минуту в коридоре стало темно.

Алексей смотрел на кружку и думал о том, что все сделал правильно, восемьсот слишком много.

Много хочешь — мало получишь.

Он не вспомнил, когда услышал эту фразу впервые. Она просто была — как мебель в той квартире, где вырос. Стол на кухне. Шкаф в прихожей. Половик у входной двери. Много хочешь — мало получишь.

Только сейчас, в половине первого, с остывшим чаем, Алексей подумал странную вещь.

Он подумал: а что если это не мудрость?

Что если это просто программа? Чья-то чужая программа, которую он таскает в голове уже тридцать четыре года и принимает за свою?

* * *

Утром он приехал в офис раньше всех.

Это была его привычка — приходить в восемь, когда ещё никого нет, налить кофе, посидеть в тишине. Он говорил, что думается лучше. На самом деле он просто любил эти сорок минут, когда офис был его собственным и не надо было ни за кем следить, ни перед кем отчитываться. Его команда занималась CRM-системами, автоматизацией бизнес-процессов и разработкой приложений. Восемь человек. Три года вместе. Хорошие.

Дима — партнёр Алексея — пришёл в девять. Он был рослый, с привычкой говорить тихо — что странно сочеталось с тем, что его всегда слышно. Поставил кофе, бросил куртку

на спинку кресла и сказал, не глядя:

— Ну что, позвонил Захаров?

— Нет.

— Не позвонит.

— Я знаю.

Дима сел, открыл ноутбук, потом закрыл его и посмотрел на Алексея.

— Лёш, ты опять четыреста назвал?

— Не назвал. Предложил. Он же...

— Не «он же». Ты. Ты назвал.

Дима закрыл ноутбук. Алексей молчал.

Дима потёр переносицу. Алексей видел: он тоже устал — не от этого утра, а от чего-то более длинного. От разговора, который они повторяли уже не первый раз.

— Это было резко, — сказал Дима. — Извини.

Пауза.

— Но какие четыреста? — ну правда.

— Я же говорил — восемьсот. Мы стоим восемьсот. Ты это знаешь.

— Это много.

— Для кого много?

Алексей открыл рот — и закрыл. Потому что не знал, что ответить. Для клиента? Захаров приехал на Сауенне и жаловался, что в Дубае плохой интернет. Для Захарова восемьсот было не много.

— Для нас много, — сказал он наконец.

Дима посмотрел на него долго. Потом кивнул — не соглашаясь, а как будто что-то для себя отметив — и открыл ноутбук обратно.

Алексей смотрел в окно. За окном была Москва в октябре — серая, деловая, равнодушная. Восемь лет он жил в этом городе и до сих пор иногда ловил себя на ощущении, что город терпит его здесь временно, авансом, и в любой момент может передумать.

Много хочешь — мало получишь.

Не высовывайся.

Богатые все воры, Лёша. Честно столько не зарабатывают.

Последнее — это уже дядя Игорь. Дядя Игорь мог говорить часами, и в каждом втором предложении у него кто-то кого-то обворовывал.

* * *

В обед Алексей поехал в банк.

Не по делу — просто нужно было подписать какую-то бумагу, которую не получалось сделать онлайн. Он стоял в очереди, смотрел на стенд с предложениями по вкладам и думал о том, что на его расчётном счету сейчас лежит около двух миллионов. Лежит уже восемь месяцев. Он не трогает их, потому что «мало ли». Потому что «на всякий случай». Потому что — береги на чёрный день.

Два миллиона. На чёрный день.

Наташа полгода назад сказала: давай съездим на море.

Нормально съездим, в хороший отель, не в августе когда все едут, а в мае — дети ещё учатся, возьмём их на неделю, пусть пропустят. Алексей сказал: сейчас не время, надо вложить в оборот. Наташа кивнула. Больше не спрашивала.

Он стоял в очереди и думал: а что такое «чёрный день»? Как он выглядит? Как он поймёт, что тот самый день настал и можно наконец достать записку?

Может быть, чёрный день — это когда твоя жена перестанет предлагать поехать на море.

* * *

Вечером он забирал Мишку из секции.

Мишке было девять. Он занимался дзюдо уже два года, и Алексей каждый раз, глядя на сына в кимоно, чувствовал что-то тёплое и немного виноватое — виноватое потому, что на соревнования в прошлом месяце ездила Наташа, а не он.

— Пап, — сказал Мишка в машине, — я хочу новые борцовки. Мои уже маленькие.

— Сколько стоят?

— Не знаю. Тренер сказал, нормальные — тысячи три-четыре.

Алексей кивнул. Три-четыре тысячи. Он вчера потерял контракт на четыреста тысяч, потому что побоялся назвать правильную цену, и при этом сейчас у него в голове промелькнуло — три-четыре, это много.

Он скосил глаза на сына. Мишка смотрел в окно, болтал ногой и ни о чём не беспокоился. Девять лет — хорошее вре-

мя. Ещё нет этого фонового шума в голове, этого постоянно-го взвешивания, этого много ли, не много ли, заслужил ли.

Когда он появится? — подумал Алексей. — Когда Мишка начнёт думать так же, как я?

И сам испугался этой мысли.

— Купим борцовки, — сказал он. — Хорошие купим.

Мишка повернулся и улыбнулся — просто, без всякого значения. Алексей смотрел на дорогу и думал, что, кажется, это первый раз за день, когда ему не было стыдно ни за что.

* * *

Ночью он не спал снова.

Лежал на спине, смотрел в потолок, слушал дыхание Наташи рядом. В голове крутилась одна и та же сцена: переговорная комната, Захаров напротив, Дима чуть сбоку. И он сам — открывает рот и говорит «четыреста».

Почему четыреста?

Не потому что они столько стоят. Он сам знал, что они стоят больше.

Не потому что клиент не заплатил бы восемьсот. Захаров бы заплатил.

Тогда почему?

Алексей закрыл глаза. И вдруг увидел — не вспомнил, а именно увидел, как картинку — кухню в ростовской квартире. Отец за столом, газета, чай. Сам он — лет двенадцати, наверное. И разговор о соседском сыне Серёжке Ковалёве, который «азнался, машину купил, думает теперь он лучше

всех».

— Богатые все такие, — говорил отец. — Деньги людей меняют. Хорошие люди богатыми не становятся.

Двенадцатилетний Алексей слушал и кивал.

Тридцатичетырёхлетний Алексей лежал в темноте московской квартиры и понимал, что до сих пор живёт по этой формуле. Хорошие люди богатыми не становятся. Значит, чтобы остаться хорошим — надо не становиться богатым. Надо называть четыреста, когда стоишь восемьсот. Надо придерживать себя. Надо знать своё место.

Не высовываться.

Папа не хотел ему зла. Папа хотел ему добра — такого добра, которое умел. Папа сам всю жизнь работал на заводе, честно, без особых денег, и был хорошим человеком. Формула работала для него.

Но она не работала для Алексея.

И Алексей впервые это понял так ясно, что стало почти физически неловко — как будто долго ходил в чужой обуви и только сейчас понял, что жмут.

* * *

Он встал, прошёл на кухню, поставил чайник.

За окном была ночная Москва — огни, силуэты домов, где-то далеко красный глаз башенного крана. Город, который он выбрал. Бизнес, который он построил. Команда, которая верила ему. Жена, которая любила его — хотя иногда ему казалось, что он делает всё возможное, чтобы это усложнить.

Чайник закипел. Алексей налил кружку и сел там же, где сидел вчера.

Только сейчас это была другая тишина.

Не тяжёлая — думающая.

Он достал телефон и написал Диме: «Завтра поговорим про ценообразование. Я был неправ.»

Отправил. Немного посидел, слушая тишину. Потом достал снова и написал Наташе — хотя она спала в трёх метрах и увидит только утром: «Давай в мае на море. Нормально. В хороший отель. Я серьёзно.»

Отправил.

Лёг обратно. Закрыв глаза.

Заснул раньше, чем ожидал.

* * *

Вот что я хочу тебе сказать. Алексей не решил ничего той ночью. Он просто первый раз задал себе вопрос: а чья это программа в моей голове?

Большинство из нас никогда не задают этот вопрос. Не потому что глупые — а потому что программа работает незаметно. Она выглядит как здравый смысл. Как скромность. Как осторожность.

*Но ты такой человек — или тебя таким научили быть?
— Сергей*

Хорошая скатерть

В пятницу вечером они поехали к родителям.

Это была традиция — раз в месяц, иногда реже, ехать через весь город в Подмоскowie, где отец с матерью жили в маленьком доме с садом, который мать любила, а отец терпел. Наташа всегда готовила что-нибудь в дорогу — пирожки или салат. Мишка и Полина садились на заднее сиденье и через двадцать минут уже спали. Алексей вёл машину и слушал, как Наташа рассказывает что-то про работу.

Он любил эти поездки. Любил, хотя никогда не говорил этого вслух — не потому что стеснялся, а потому что такие вещи в его семье просто не говорились.

Мать открыла дверь раньше, чем они успели позвонить — она всегда слышала машину ещё с улицы.

— Лёшенька, — сказала она и обняла его так, как обнимают, когда не виделись год, хотя прошло три недели. — Похудел. Наташ, он похудел?

— Не похудел, — сказала Наташа.

— Похудел. Есть плохо стал. — Мать посмотрела на внуков и вся осветилась. — Мишенька, Полиночка, идите я вас покормлю.

Дети не возражали.

Отец стоял чуть поодаль — как всегда, будто специально давая матери место, — и пожал Алексею руку. Крепко,

как пожимают руку человеку, которого уважают, но не умеют обнять.

— Приехал, — сказал он.

— Приехал, — согласился Алексей.

Этого было достаточно.

* * *

За ужином говорили про детей, про соседей, про огород. Мать несколько раз пыталась предложить добавки, все несколько раз отказывались, потом соглашались.

Потом мать пошла ставить чай — и Алексей пошёл за ней, просто так, постоять рядом.

Она достала из шкафа скатерть.

Белую, с вышитыми синими цветами по краям. Алексей помнил её с детства — она всегда лежала в том же шкафу, в той же стопке, завёрнутая в целлофан.

— Мам, ты эту скатерть сколько лет уже не стелешь?

Мать посмотрела на скатерть, потом на него.

— Ну как. Стелю.

— Когда последний раз?

Она подумала. Потом сказала — не смущённо, а скорее удивлённо, как будто сам вопрос был неожиданным:

— На свадьбу к Тане ездили... это когда было... лет двенадцать назад, наверное. Или тринадцать.

— Тринадцать лет.

— Ну и что, — сказала мать. — Она хорошая. Жалко просто так стелить.

— А для чего не просто так?

Мать посмотрела на него с лёгким раздражением — таким, каким смотрят на человека, который задаёт очевидные вопросы.

— Для гостей. Для праздника. Постелишь каждый день — износится.

Алексей кивнул.

Чайник закипел. Мать убрала скатерть обратно в шкаф, завернула в целлофан, положила стопку ровно.

Алексей смотрел на закрытую дверцу шкафа и думал про два миллиона на расчётном счету.

* * *

Они пили чай за обычной клеёнкой.

Отец рассказывал про соседа, который купил новую газонкосилку, но трава у него по колено. Мишка под столом играл в телефон, думая, что никто не видит. Полина рисовала что-то в блокноте. Наташа смеялась над историями отца.

Алексей пил чай и думал про скатерть. Точнее — не про скатерть. Про принцип.

Хорошего — не трогать. Хорошее — на потом. Хорошее — для особого случая.

Он вырос в этом принципе. Он помнил «выходную» одежду, которую нельзя было надевать в школу. Помнил конфеты, которые клали в вазочку на серванте и не ели — они там просто стояли, красивые, в фантиках, пока не становились белёсыми от времени.

Хорошее не для жизни. Хорошее — для потом.

Но потом всегда откладывалось. Потом — когда вырастет, когда заработает, когда устроится, когда накопит, когда будет повод. Повод всегда оказывался недостаточным.

И вот ему тридцать четыре года, у него есть деньги, и он не знает, что такое «достаточный повод», чтобы их потратить.

* * *

На обратном пути дети снова уснули.

Наташа смотрела в окно. Алексей вёл машину по тёмному шоссе и думал.

— Наташ.

— Угу.

— Ты помнишь, ты говорила — ваза твоей бабушки. Которую ты бережёшь.

Наташа повернулась.

— Помню.

— Ты её когда последний раз использовала?

Она подумала секунду. Потом засмеялась — тихо, чтобы не разбудить детей.

— Ты знаешь... наверное, никогда. Она у меня в коробке стоит, завёрнутая.

— Почему?

— Разобьётся же.

— А если не разбить?

— Ну... — Наташа подумала. — Не знаю. Страшно как-то. Жалко. Красивая.

— Значит, красивая ваза должна жить в коробке.

Наташа посмотрела на него — сначала с лёгкой обидой, потом с чем-то другим.

— Ты к чему это?

— Ни к чему, — сказал Алексей. — Просто думаю.

Они ехали молча минуту или две. Потом Наташа сказала:

— Ладно. Достану вазу. Поставлю цветы.

— Я куплю цветы, — сказал Алексей.

— Договорились.

* * *

В понедельник утром, до того как приехал Дима, он открыл банковское приложение.

Два миллиона сто сорок тысяч. Лежат. Ждут чёрного дня.

Он смотрел на эту цифру долго. Потом написал в чат с Наташей: «Отель нашёл. Мальдивы, май, десять дней. Бронирую?»

Она ответила через две минуты — одним словом и тремя восклицательными знаками. Алексей усмехнулся.

Нажал «забронировать».

Карта прошла. Ничего страшного не случилось. Мир не рухнул.

Он закрыл приложение и подумал: почему это было так тяжело? Деньги есть. Работа идёт. Семья хочет на море. Что именно удерживало его восемь месяцев?

Береги на чёрный день.

Но вот в чём штука, которую он понял только сейчас: по-

ка ты бережёшь всё на чёрный день — ты не замечаешь, что уже живёшь в нём. Что жизнь идёт мимо. Что дети растут. Что Наташа давно перестала спрашивать про море. Что хорошая скатерть лежит в шкафу, пока жизнь происходит за клеёнкой.

Чёрный день — это не когда нет денег.

Чёрный день — это когда есть деньги, но нет жизни.

* * *

Дима пришёл в девять, поставил кофе, увидел что-то в лице Алексея.

— Что случилось?

— Ничего. Хорошее. — Алексей помолчал. — Мы в мае на Мальдивы летим.

Дима смотрел на него секунду. Потом улыбнулся — не иронично, а по-настоящему, тепло.

— Давно пора, — сказал он. — Давно пора, Лёш.

Дима помолчал, потом добавил — тише, почти не к Алексею:

— Мы с Катей два года никуда не ездили. Я говорил: накопим, потом. Она один раз сказала — нормально так, без скандала: «Ещё год ждём — я поеду одна». Я тогда не понял. Потом понял.

* * *

Что у тебя лежит в шкафу? Не скатерть и не ваза. Что-то другое. Мечта, которую ты бережёшь для особого слу-

чая. Отпуск, который откладываешь. Разговор, который ждёт «правильного момента».

Но «потом» — это не место на карте. Туда нет дороги.

Есть только сейчас. И скатерть, которую можно постелить сегодня.

— Сергей

Выскачка

Дядя Игорь приехал в субботу без предупреждения.

Это была его манера — появляться, когда не ждут, с бутылкой вина, которое никто не просил, и новостями о людях, которых Алексей едва помнил. Наташа его не любила — вежливо, культурно не любила, так, что дядя Игорь, кажется, даже не догадывался. Алексей его любил — привычно, по-родственному, немного устало.

Дядя Игорь был братом отца. Семь лет назад он вышел на пенсию с должности начальника отдела в какой-то городской организации. Достоинства от этого не убавилось.

— Лёшка! — Он обнял племянника в дверях, хлопнул по спине. — Возмужал. Москва тебя кормит, значит.

— Кормит, — согласился Алексей.

— Ну и хорошо. Ну и слава богу. — Дядя Игорь прошёл в прихожую, огляделся с видом человека, который оценивает обстановку. — Ремонт сделал?

— Два года назад.

— Дорого небось?

— Нормально.

Дядя Игорь покивал — с таким выражением, которое могло означать что угодно, но скорее всего означало «смотри не зарвись».

За обедом говорили про родственников.

Это был любимый жанр дяди Игоря — семейная хроника, в которой каждый второй персонаж либо болел, либо разводился, либо «зазнался». Алексей слушал вполуха, подкладывал гостю салат.

— Димку Соколова помнишь? — спросил дядя Игорь.

— Какого Димку?

— Ну, Соколовых сын. Вы в одном классе, кажется, учились.

— А, Соколов. Помню.

— Так он теперь, значит, в депутаты метит. — Дядя Игорь произнёс это таким тоном, каким сообщают о неизлечимой болезни. — Деньжищ, говорят, немерено. Особняк построил — три этажа, говорят. Жёну молодую взял.

— Ну и хорошо, — сказал Алексей.

Дядя Игорь посмотрел на него с мягким укором.

— Ну как хорошо. Откуда деньги-то у него? Работал, как все работали. А тут — особняк. — Он покачал головой. — Нет, Лёш, я тебе говорю: честно такого не заработаешь. Тут либо украл, либо схитрил.

Алексей кивнул — привычно, автоматически. Как кивал этому с двенадцати лет.

Наташа встала убрать тарелки. Она делала это всегда, когда хотела выйти из комнаты по уважительной причине.

* * *

Дядя Игорь ушёл в пять.

Алексей вымыл посуду, потом сел на диван и уставился в выключенный телевизор.

Наташа вышла из спальни, посмотрела на него.

— Что?

— Ничего. Думаю.

Она села рядом, поджала ноги.

— Ты знаешь... Дима в прошлом месяце новую машину купил. Хорошую. И я поймал себя на том, что первая мысль была — ну-ну, посмотрим.

Наташа молчала. Не стала ничего объяснять — просто ждала.

— Не «молодец», не «здорово». А «посмотрим». — Алексей помолчал. — Как дядя Игорь.

— Ты не как дядя Игорь, — сказала Наташа.

— Я именно как он. Просто вслух не говорю.

Она встала, прошла к окну. Постояла. Потом, не оборачиваясь:

— Помнишь, на старой работе Костин из параллельного отдела получил повышение? Ты сказал — повезло человеку, не по заслугам.

Алексей вспомнил. Вспомнил и почувствовал что-то неприятное — не обиду, а что-то похожее на стыд.

— Я так сказал?

— Ты так сказал.

Он встал, прошёл к окну. За окном во дворе мальчишки гоняли мяч — громко, азартно, совершенно счастливо.

— Знаешь, что самое странное, — сказал Алексей. — Дима никогда так не говорит. Я ни разу не слышал от него «повезло» или «нечестно». Когда у кого-то что-то получается — он просто говорит «отлично» и идёт дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.